

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanie_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

АННА ВАСИЛЬЕВНА КОРВИН-КРУКОВСКАЯ (ЖАКЛАР)

(1843—1887)

Анна Васильевна Корвин-Круковская (по мужу Жаклар) была дочерью генерала и помещика Корвин-Круковского, по матери — внучкой генерала от инфантерии Шуберта. Родилась она 6 (18) октября 1843 г.¹ Раннее детство провела в Москве, затем поселилась с семьёй в родовом имении отца Палибино, Невельского уезда, Витебской губернии. В деревне Анну Васильевну воспитывала англичанка; но девушка постоянно ссорилась с ней, скоро вышла из повиновения и, по словам её сестры (впоследствии знаменитого математика Софьи Ковалевской), росла вольным казаком, не признавая над собою никакого начала. Начитанная и развитая девушка очень томилась в этой глуши и не раз со слезами на глазах упрекала отца за то, что он держит её в деревне.

Анна с детства увлекалась чтением исторических романов. Под влиянием одного из них, проникнутого мистицизмом, юная девушка поселилась в башне и пыталась даже заниматься самобичеванием. Потом она увлеклась театром, стала просить отца отпустить её учиться в театральную школу, но суровый отец не хотел об этом и слышать.

В начале шестидесятых годов в характере и настроении Анны Васильевны произошли резкие изменения.

¹ *Ив. Книжник-Ветров, А. В. Корвин-Круковская (Жаклар), М. 1931, стр. 7.*

Летом 1862 г. она познакомилась с молодым студентом естественного факультета, тайно встречалась с ним и с благоговением слушала его рассказы о Чернышевском, Добролюбове, Шелгунове, Писареве, о тайных революционных кружках. Он доставал ей «Современник», «Русское слово» и даже «Колокол» Герцена.

Анна Васильевна изменилась и наружно: стала одеваться просто, в чёрные платья; она отказалась от балов и выездов, стала обучать крестьянских ребятишек, подолгу разговаривала с деревенскими бабами. Начала выписывать и серьёзно изучать труды по естествознанию, философии и истории, а комнату свою превратила в «вivarium» для лягушек, кротов и других животных. Она потребовала у отца, чтобы он отпустил её одну в Петербург учиться, но получила решительный отказ. Внешность её была чрезвычайно привлекательна; как описывал журналист М. И. Семевский, одно время надеявшийся стать её женихом, в возрасте 19—20 лет это была «стройная прекрасная блондинка, с синими, иногда как бы зелёными, глазами и дивною волнистою косою»¹. Она вся была проникнута возвышенными идеалами жизни... «Чего-чего только она не перечитала на трёх-четырёх языках; какое близкое знакомство с историей, какая бойкость суждений в области философии и истории — и всё это проявляется в таких простых, очаровательных формах...»²

Очень рано проявились выдающиеся способности Анны Васильевны в области литературы. Первый её рассказ («Сон») описывал переживания юной швеи, дочери бедного учителя, которая на похоронах одного студента познакомилась с его товарищем, тоже студентом. Из-за предрассудков среды знакомство это быстро оборвалось. И вот девушке приснился сон, будто покойный студент жив и они живут вместе бедной, трудовой, но счастливой жизнью. Но это оказалось только сном...

Девушка сильно загрустила о бесцельно проходящей молодости, заболела и умерла.

Рассказ этот Анна Васильевна послала в журнал Ф. М. Достоевского «Эпоха» под псевдонимом «Ю. О—в» (Юрий Орбелов). В письме к Достоевскому А. В. Корвин-Круковская наивно и откровенно призналась, что она

дочь помещика и генерала и что мужской псевдоним ею взят нарочно, чтобы скрыть выступление молодой девушки в печати.

Рассказ «Сон» очень понравился Достоевскому своей непосредственностью, искренностью и теплотой чувства. Он был вскоре опубликован¹. Вскоре Анна Васильевна послала Достоевскому другой рассказ, «Послушник» («Михаил»), герой которого, осиротевший сын богатого вельможи, был отдан дядей в монастырь; разочаровавшись в жизни, он заболевает, чахнет и умирает, убедившись в бессилии монахов облегчить его душевные страдания. Этот рассказ ещё более заинтересовал Достоевского, который посоветовал юной писательнице серьёзно смотреть на свои способности.

Рассказ «Михаил» был также напечатан², и автору был выслан в село Палибино гонорар. Случайно пакет с деньгами и письмом Достоевского попал в руки генерала Корвин-Круковского, отца Анны Васильевны, — и тут её тайна раскрылась. Генерал в гневе упрекнул дочь, что она получила деньги от незнакомого мужчины, как какая-нибудь наёмница, и бросил ей упрёк: «Теперь ты продаёшь свои повести, а придёт, пожалуй, время, и себя будешь продавать»³. Но Анна Васильевна наотрез отказалась бросить литературную деятельность. Лишь несколько позже под влиянием своей жены, интеллигентной женщины, генерал смягчился и, скрепя сердце, разрешил дочери писать Достоевскому и даже встретиться с ним в Петербурге (конечно, в присутствии матери и тёток); при этом он предупредил дочь, что Достоевский — «человек не нашего общества... журналист и бывший каторжник» и что с ним следует «быть очень и очень осторожным»⁴.

Познакомившись с Анной Васильевной, Достоевский сильно увлёкся ею. Начиная с февраля 1865 г., он часто посещал её в Петербурге, просиживал целые вечера, рассказывая содержание задуманных им романов, вспоминая особенно яркие и волнующие эпизоды из своей жизни (например, о переживаниях перед «расстрелом» и т. д.). Главным предметом ожесточённых споров знаменитого

¹ См. «Эпоха» № 8, 1864 г.

² См. «Эпоха» № 9, 1864 г.

³ Литературно-художественный сборник «Красной панорамы», Л. май 1929, стр. 34.

⁴ Там же, стр. 35.

¹ См. *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 12.

² Там же, стр. 12—13.

писателя с молодой девушкой был нигилизм. Достоевский по возвращении с каторги считал себя уже выше нигилизма. Анна Васильевна, с большим уважением относившаяся к Достоевскому и весьма ценившая, что такой великий человек беседует и спорит с ней, скромной провинциалкой, всё же упорно отстаивала свои атеистические и нигилистские взгляды.

Спустя два месяца после знакомства Ф. М. Достоевский сделал Анне Васильевне предложение стать его женой. Однако Анна Васильевна вынуждена была ему отказать. «Я не так люблю его, — признавалась она сестре Софье, — чтобы пойти за него замуж... Ему нужна совсем не такая жена, как я. Его жена должна совсем, совсем посвятить себя ему, всю свою жизнь ему отдать, только о нём и думать. А я этого не могу, я сама хочу жить. К тому же он такой нервный, требовательный. При нём я никогда не бываю сама собою»¹.

Весной 1865 г. они расстались, но продолжали переписываться.

Время с осени 1866 г. до осени 1867 г. Анна Васильевна провела за границей.

Анна Васильевна решила серьёзно посвятить себя проблемам социализма. «Начитавшись тайком революционных брошюр, — рассказывала об Анне Васильевне подруга её сестры, польская революционерка М. В. Залесская-Мендельсон, — она намеревалась не более не менее, как ниспровергнуть старый, буржуазный строй и перевернуть вверх ногами всю Европу»².

Чтобы не быть в зависимости от отца, она решила вступить в фиктивный брак, как это часто тогда делалось. Анна Васильевна хотела выйти замуж за будущего учёного и человека передовых взглядов Владимира Онуфриевича Ковалевского. Однако он избрал своей фиктивной женой не Анну, а Софью Васильевну, которая заинтересовала его своей образованностью и талантливостью. Высоко ценил он и Анну Васильевну, которая после замужества сестры получила долгожданную возможность уехать с ними и отныне свободно располагать своей судьбой. Осенью 1868 г. Анне Васильевне с большим трудом

удалось вырваться из Палибина. 3 апреля 1869 г. все трое выехали за границу.

Ковалевский остался в Вене, сестра Софья направилась в Гейдельберг, а Анна Васильевна уехала 21 апреля в Париж. Было решено держать это в секрете от отца: письма Анны пересылались в Гейдельберг, а оттуда уже со штемпелем этого города отправлялись в Палибино, чтобы там думали, будто обе сестры живут вместе в Гейдельберге.

Но вскоре генерал Корвин-Круковский узнал, что его старшая дочь поселилась одна в Париже, и перестал высылать ей деньги на жизнь. Анна Васильевна стала испытывать большие материальные трудности. Тогда она поступила в типографию наборщицей, рассчитывая, что сможет вскоре зарабатывать не менее 120 франков в месяц.

В Париже Анна Васильевна познакомилась с выдающимися людьми литературного, учёного и политического мира. Особенно близкая дружба у неё завязалась с писательницей Андре Лео (настоящее имя — Леодиль Бера; псевдоним был ею избран по именам двух её сыновей — Андре и Лео), а также со многими другими передовыми французскими женщинами (Мари Дерэм, Нозми Реклю, Луизой Мишель). Сблизилась она и с бланкистами. «Когда я ехала во Францию, — шутливо писала Анна сестре, — я даже не подозревала, что моя мечта свергнуть буржуазный строй так близка к осуществлению». Через Андре Лео Анна Васильевна познакомилась с членом I Интернационала Б. Маленом.

Работа в типографии наборщицей, знакомство с французскими рабочими и дружба с Андре Лео и Маленом сделали А. В. Корвин-Круковскую одной из активных участниц французского революционного движения. Примерно в это время она познакомилась с Шарлем Виктором Жакларом, студентом-медиком, бланкистом и участником заговора «Кафе Ренессанс», впоследствии членом I Интернационала и сторонником Маркса. Вскоре Анна Васильевна стала его женой. Летом 1870 г. Анна Васильевна с мужем были вынуждены спешно покинуть Францию и поселиться в Швейцарии: её муж Жаклар был привлечён к суду по обвинению в заговоре против императора (процесс Блуа).

¹ Литературно-художественный сборник «Красной панорамы», стр. 40; *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 22.

² *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 35.

В Женеве А. В. Корвин-Круковская-Жаклар и её муж сблизилась с членами I Интернационала и особенно с деятелями его русской секции. На первых порах Анну Васильевну использовали как переводчицу, хорошо владеющую иностранными языками. «...С Натой Утиной я даже очень дружна,— писала Анна Васильевна,— до сих пор моё участие в женевском «тайном обществе» (повидимому, русской секции Интернационала) и «Центральном комитете» ограничивается переводом кое-каких брошюр Маркса по Интернационалу для приложений к номерам «Народного дела». Это я делаю из любезности к Ольге»¹.

Повидимому, в Женеве Анна Васильевна познакомилась и подружилась с супругами Бартеневыми, Виктором Ивановичем и Екатериной Григорьевной, и с Елизаветой Лукиничной Томановской (Е. Дмитриевой), членом русской секции Интернационала и будущей участницей Коммуны.

Жилось семье Жакларов в Швейцарии тяжело; чтобы обеспечить сносное существование, Виктор Жаклар с утра до вечера бегал по урокам.

Когда началась франко-прусская война, Анна Васильевна и её муж с большим вниманием следили из Женевы за судьбой парижских революционеров. «Я на днях имела известия о Малоне,— писала она.— Он был выпущен на поруки (после 3-го процесса Интернационала.— А. Л.), и кто-то внёс за него 500 франков, [но]...он не воспользовался свободой, чтобы бежать... На днях пришло другое письмо, где он пишет очень смутно и экзальтированно и говорит, что что-то готовится и затевается в Париже. Жак[лар] также ждёт с нетерпением точных известий от своих друзей о настроении умов. Желательно было бы предпринять что-нибудь в случае поражения (войск Наполеона III). Но ведь чем чёрт не шутит, может быть, они (т. е. бонапартисты) будут победителями, тогда прощай на несколько лет революция...»². Вскоре в Женеву приходят

¹ *Центральный комитет* — немецкий Центральный комитет Интернационала, основанный И. Ф. Беккером. *Н. Утина-Корсини* была женой Н. И. Утина, возглавлявшего русскую секцию Интернационала в Женеве. «*Ольга*» — О. С. Зиновьева-Левашёва была одной из учредительниц русской секции Интернационала в Женеве и давала средства на издание «Народного дела» — органа русской секции. См. *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 45.

² *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 48—49.

известия о поражении французских войск. Эти известия сильно взволновали Анну Васильевну и её мужа. «Мы решили ехать туда (в Париж), несмотря на опасности,— пишет Анна Васильевна сестре 12 августа,— ещё увеличивающиеся вследствие военного положения и его, Жаклара, осуждения к ссылке... Но перед настоящими обстоятельствами нельзя оставаться в бездействии, и недостаток в людях с головами и решительностью слишком ощутителен, чтобы думать о спасении своей кожи»¹.

Информация, получаемая Жакларами из Парижа, была весьма обстоятельной, и Анна Васильевна могла совершенно объективно оценить обстановку, сложившуюся во Франции к сентябрю 1870 г.: «Условия для хорошего и прочного водворения республики очень плохи. Безденежье, поражение и неприятель на границе, а может быть, и под самым Парижем — всё это не очень благоприятствует социальному движению, без которого республика та же тирания... Но тем необходимее для республиканцев не быть в разброде и в одиночку, и каждый порядочный человек может быть теперь полезен»².

Супругов Жаклар тревожила судьба Франции; они мрачно смотрели на перспективы социального переворота в Париже, близость и неизбежность которого ясно чувствовались в письмах друзей. «...При настоящих условиях,— писала сестре А. В. Корвин-Круковская-Жаклар,— какой же шанс может остаться настоящей социальной республике? Занятая отражением неприятеля, раздираемая внутренними орлеанистскими и бонапартистскими партиями, униженная, разорённая, она принуждена была бы заниматься одною внешнею политикою, преобразоваться в воинское диктаторство и могла бы только ещё раз на практике скомпрометировать своё социальное значение»³.

Анна Васильевна и её супруг Виктор Жаклар считали, что надо предоставить реакционерам заключить постыдный мир и обратить его в орудие пропаганды против них (как оно в конечном итоге и случилось впоследствии). Точка зрения Жакларов приближалась к той постановке вопроса, которая была высказана от имени Генсовета I Интернационала К. Марксом во втором воззвании. Энгельс решительно возражал против попытки захвата

¹ *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 49.

² Там же, стр. 50.

³ Там же, стр. 51.

власти парижским пролетариатом, совершенно к этому ещё не подготовленным. «Было бы ужасно, если бы немецким армиям в виде последнего акта войны пришлось выдерживать баррикадную борьбу против парижских рабочих»¹.

Анна Васильевна и Виктор Жаклар были сторонниками Маркса. Они решительно осуждали лавиллетское выступление бланкистов (14 августа 1870 г.), называя это безрассудным делом, имеющим самые трагические последствия. Отрицательное отношение Жакларов к заговорщическим методам бланкистов явно свидетельствовало об их взглядах, близких к взглядам Маркса и Энгельса. В Женеве они были не одиноки. К друзьям и единомышленникам Жакларов в Женеве принадлежали, по выражению Анны Васильевны, «очень порядочные и милые люди»: Эдуард Вайян, Лефрансэ и один из видных деятелей Интернационала — основатель швейцарских секций Иоганн Филипп Беккер.

Известие о позорной капитуляции Наполеона III под Седаном заставило Анну Васильевну с мужем немедленно выехать в Париж. 4 сентября 1870 г. они уже были в Лионе. В Лионе произошли революционные выступления, в результате которых была провозглашена Лионская Коммуна. Жаклар принял активное участие в лионских событиях и пользовался большим доверием лионских рабочих. С рабочей средой Лиона он был связан через Альбера Ришара, бакуниста и члена Интернационала. 8 сентября Жаклар был избран одним из 10 комиссаров — «посредников между народом Лиона и лионским Комитетом общественного спасения» (настроенным бакунистски). Он же был делегирован в числе «трёх комиссаров» (Жаклар, А. Ришар и Андриэ) в Париж, чтобы доложить правительству Национальной обороны пожелания народа Лиона, — но в Лион обратно он уже не вернулся: Лионская Коммуна пала.

Что касается Анны Васильевны, то она сперва не хотела уезжать из Лиона. Но затем решила идти в Париж пешком. Преодолевая большие трудности, она добралась, наконец, до осаждённой столицы.

К началу осады Парижа Жаклар был членом ЦК 20 округов и одним из четырёх представителей округа Монмартра. Там же он был впоследствии выдвинут кандида-

том в члены Коммуны. На Монмартре в женском комитете бдительности работала и Анна Васильевна. Одновременно Жаклар был избран командиром 158-го батальона Национальной гвардии — одного из тех, которые поддерживали после 4 сентября требование создания Коммуны.

Будучи командиром батальона, Жаклар часто вступал в конфликты с реакционными генералами французской республиканской армии. По поводу реакционной выходки генерала Тамизье, который в пику Жаклару освободил двух пьяных офицеров, пытавшихся взбунтовать батальон последнего, Жаклар обратился к своим солдатам с письмом, помещённым в газете «La Patrie en danger» (12 октября 1870 г.), заявляя: «Итак, власть, исходящая не знаю откуда, растоптала ту власть, которою меня облекли вы; произвол объявил себя выше вашего голосования. Такое положение для меня *невыносимо*, и потому я подаю в отставку не генералу, а батальону, который меня избрал. Я думал дальше быть во главе всех вас, сражаясь одновременно против пруссаков внешних и внутренних. *С грустью* оставляю я эту надежду... Реакция подымает голову... Республиканцы, будьте осторожны! Прощайте, дорогие товарищи...»¹.

Однако после восстания 31 октября, в котором Жаклар принимал активное участие, его отставили от должности командира батальона. 4 ноября Жаклар был арестован, и хотя никаких серьёзно обоснованных обвинений ему не было предъявлено, его продержали в тюрьме вплоть до января 1871 г. (несмотря на то, что он был в это время заочно избран помощником мэра XVIII округа Парижа). И сразу же снова предали за участие в восстании 31 октября военному суду, который оправдал Жаклара. В этом оправдании сыграла, очевидно, немалую роль популярность его среди французских рабочих. Кандидатура Жаклара была выставлена на выборах в Национальное собрание; 8 февраля 1871 г. Жаклар получил очень большое количество голосов — 60 тысяч (больше, чем Бланки!).

Во время Коммуны Жаклар сыграл весьма значительную роль. Уже 18 марта он «сражался во главе батальонов Монмартра, командование которыми было [ему]

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 399—400.

¹ С. Штрайх, Русская нигилистка в Парижской Коммуне, М. 1935, стр. 32; Ив. Книжник-Ветров, А. В. Корвин-Круковская, стр. 58—59.

доверено ЦК»¹. Повидимому, Жаклар был членом ЦК Национальной гвардии. Его имя упоминается в связи с арестом генерала Леконта. «Толпа солдат,— писал Лиссагарэ,—...требовала немедленной казни. Члены этого комитета [комитета бдительности XVIII округа] Ферре, Бержере, Жаклар сейчас же послали приказ командующему Шато-Руж охранять пленника. Когда этот приказ пришёл, Леконт уже вышел из Шато-Руж»² (он был отправлен на улицу Розье, где и был расстрелян).

По сообщению Луизы Мишель, вечером 18 марта Ферре и Жаклар отпустили на свободу офицеров, взятых в плен вместе с Леконтом и Клеманом Тома: «старались избегать как послаблений, так и бесполезной жестокости»³.

В тот же день, 18 марта, полковник Ланглуа, как гласит его показание на суде, видел Жаклара в комитете бдительности на шоссе Клиньянкур⁴.

Во время Коммуны Виктор Жаклар исполнял одновременно свои обязанности помощника мэра и начальника 17-го легиона. Вместе с Малонем 22 мая он руководил обороной баррикад улицы Кардинэ и улицы Леви. Он же, Жаклар, находился рядом с Делеклюзом у площади Шато д'О в момент его гибели⁵.

Анна Васильевна была предана Коммуне всей душой и оказывала на мужа решительное влияние в моменты его колебаний (в первые дни Коммуны он был ещё склонен к компромиссу с Версалем, подобно Варлену и другим, полагавшим, что это может оказаться наилучшим исходом для Коммуны). Весь апрель и большую половину мая Анна Васильевна работала вместе с Андре Лео в редакции прудонистской газеты «La Sociale» и одновременно ухаживала за ранеными в госпиталях. В этой газете глубже и серьёзней, чем в других газетах Коммуны, освещалась роль рабочего класса. Здесь же появлялись призывы Андре Лео, обращённые к трудовому крестьянству. В одном своём воззвании к крестьянам, помещённом в прудонистской газете «La Commune», Андре Лео популярно и чётко сформулировала основные требования революции

18 марта: «Земля — крестьянину, орудия труда — рабочему, работа — всем». «Не должно быть ни работы без отдыха, ни отдыха — без работы»¹.

Большое значение в жизни Парижа имели комитеты бдительности; в состав одного из них (в комитет XVIII округа) входила Анна Жаклар. 6 мая она подписалась под постановлением этого комитета об устранении сестёр-монахинь из госпиталей и тюрем и о борьбе с уличной проституцией. В газете «Cri du peuple» был опубликован призыв Анны Жаклар и других активисток комитета XVIII округа к женщинам — оказывать медицинскую помощь раненым. По показанию перед версальской следственной комиссией Барраля-де-Монто, проникшего в Париж со шпионской целью, Делеклюз поручил Анне Жаклар наблюдение за ним, что сильно стесняло его действия (повидимому, Делеклюз только подозревал де Монто, но не знал ещё о нём ничего достоверного)². 21 мая Анна Васильевна вошла в комиссию по реорганизации женского образования.

Вместе со своей сестрой Софьей, пробравшейся с мужем в Париж, чтобы уговорить Анну Васильевну покинуть революционную столицу, Анна под усиленной бомбёжкой занималась перевязкой раненых коммунаров. «Пока бомбы падали и всё новые и новые раненые приносились в больницу, девушки шёпотом обменивались воспоминаниями о своей прошлой жизни»³. 12 мая Софья Ковалевская уехала с мужем в Берлин, где до них дошло известие о падении Коммуны.

Известно и о выступлениях Анны Васильевны при Коммуне в клубах Монмартра и других (Женский клуб, клуб «Избавление», Клуб женщин-патриоток для защиты Парижа) и о работе её в Центральном комитете Союза женщин.

Активность и самоотверженность передовых женщин Парижа (в том числе и Анны Васильевны) в дни борьбы Коммуны были поистине колоссальны. Эти женщины пропагандировали идеи Интернационала, организовывали женские объединения, формировали вооружённые женские батальоны для передовых позиций и отряды санитарок,

¹ *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 72.

² *Э. Лиссагарэ*, История Коммуны 1871 года, стр. 88.

³ *Луиза Мишель*, Коммуна, стр. 76.

⁴ «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», p. 404—405.

⁵ *Vassili Sukhomline*, Deux femmes russes de la Commune, «Cahiers internationaux» № 16, 1950.

¹ *П. Л. Лавров*, Парижская Коммуна 18-го марта 1871 года, стр. 186—187.

² «Enquête parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», p. 288—292.

³ *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 76.

перевязывавших раны, переносили раненых и под вражеским огнём оказывали им посильную медицинскую помощь.

Что касается Виктора Жаклара, то до 10 мая он исполнял обязанности полковника 17-го легиона Национальной гвардии, затем был избран главным инспектором укреплений Парижа и принимал всё время энергичное участие в обороне столицы от версальской армии, вплоть до конца кровавой недели.

28 мая, когда последняя баррикада коммунаров была взята, Жаклар вбежал в дом № 283 на бульваре Вольтер, где лежал раненый Верморель, переделся в штатское и благодаря консьержке, выдавшей его за родственника, спасся. Но вскоре он был опознан на улице и арестован. Ему было предъявлено обвинение в руководстве событиями 18 марта на Монмартре и в расстреле генералов Клемана Тома и Леконта. По рассказу журналиста Громье, сидевшего с ним в тюрьме Оранжери, Жаклара и некоторых его товарищей, раздев и привязав к столбу, били прутьями, служившими для прочистки ружей, причём Жаклар более других испытал действие этой позорной жестокости¹.

В. О. Ковалевский, узнав об аресте Жаклара и выяснив в Версале, что ему угрожает в лучшем случае ссылка в Новую Каледонию, поспешил прежде всего помочь Анне Васильевне скрыться из Парижа, так как полиция искала её. Многие деятельницы Коммуны уже были арестованы.

Единственной надеждой на спасение Жаклара было обратиться к отцу Анны и Софьи, старику-генералу Корвин-Круковскому, вызвать его в Париж, умолять о прощении и помощи — ходатайстве перед версальским правительством. Генерал Корвин-Круковский, встречавшийся когда-то с Тьером на минеральных водах, согласился помочь. Он приехал с женой в Париж и обратился к Тьеру. Тот категорически отказал, но как бы вскользь обмолвился словами, что пленных, в том числе Жаклара, на другой день переводят в другую тюрьму. Существует версия, будто Анна Васильевна воспользовалась этим сообщением и, затесавшись в толпу, сопровождавшую арестованных, сумела незаметно увести мужа. Это мало правдоподобно,

¹ М. А. Gromier, *La Commune. Journal d'un vaincu*, Paris 1892, p. 209.

так как побег, очевидно, произошёл не на другой день (т. е. в июле), а позже, в октябре; кроме того, вряд ли сама Анна Васильевна могла это осуществить, так как, по всем данным, она была совершенно разбита и расслаблена. Но, очевидно, генерал всё-таки сумел как-то сговориться с Тьером и получить косвенное его согласие, а также подкупить кое-кого из мелких служащих. «В прошлое воскресенье (это было 7 октября) мужу Аниуты,— писал брату 9 октября 1871 г. В. О. Ковалевский,— удалось бежать из тюрьмы из Версаля, мы его быстро снарядили и выпроводили вон, а затем и сами уехали»¹.

Итак, Жаклар вырвался на волю и очутился в Берне. Об этом уже в ноябре 1871 г. Анна Васильевна сообщала В. О. Ковалевскому, жалуясь, что Виктору (её мужу) пришлось уехать в чужом пальто, которое надо было отослать обратно, и что он зябнет в одном сюртуке. Жаклар принялся там за занятия, закупил медицинских учебников. Оба они стали искать средства к существованию — уроков и переводов. Анна Васильевна перевела Бокля «Историю цивилизации в Англии», но с получением платных переводов ей не везло. В это время она получила письмо от К. Маркса, который просил Анну Васильевну выслать французский перевод «Капитала», чтобы слить с другим, заказанным Руа переводом, которым Маркс был недоволен². Однако никаких подтверждений работы Анны Васильевны над переводом «Капитала» обнаружить не удалось.

Есть основание полагать, что в этот период времени Анна Васильевна Жаклар-Корвин-Круковская подготовила русский перевод гениального труда К. Маркса («Гражданская война во Франции»), вышедшего в 1871 г. в Женеве и ставшего достоянием революционного подполья России. Об этом предупреждала Третье отделение его варшавская агентура, которая 5 апреля 1872 г. сообщила в Петербург, что «в Варшаву вскоре имеет быть прислана из-за границы для тайного распространения между молодёжью брошюра под названием «Гражданская война» Карла Маркса, переведённая с немецкого языка на русский и польский языки и напечатанная в Цюрихе...».

¹ *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 84—85.

² См. «Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др.», Спб. 1908, стр. 141.

18 марта 1873 г. у Анны Васильевны родился сын. Спустя год Жаклары с ребёнком покинули Швейцарию и вернулись в Россию.

Обстановка в самодержавной России была весьма неблагоприятной для бывших участников Коммуны.

Правящие круги России заняли по отношению к ним резко враждебную позицию.

Главной задачей Третьего отделения после подавления Коммуны было не допустить проникновения коммунистических идей из Франции в Россию. В 1872 г. было разрешено уничтожение «вредных книг» без судебного преследования. Цензура в России жестоко обрушилась даже на самые невинные книги, так или иначе описывавшие Коммуну в сочувственном тоне. Пострадали книги, посвящённые истории Коммуны 1871 г.: Ланжале и Коррье, Лиссагарэ, Е. И. Утина, А. Арну, «Коммуна» Л. Мишель и другие.

Особенно ликовала и усердствовала по поводу трагедии Коммуны реакционная печать: «Сокрушать, раздробить, уничтожить!» — вопил Катков на страницах «Московских ведомостей». «Московские ведомости» клеветали на коммунаров, называя их «бонапартовскими агентами», уверяя, будто всё восстание — дело рук Бисмарка, якобы стремившегося вернуть к власти Наполеона III.

Несколько иначе отнеслась к Коммуне русская либеральная печать. «Вестник Европы» не оправдывал Коммуну, но понимал и допускал её неизбежность. Коммунаров он называл «фанатиками политической и национальной свободы», но осуждал и версальское Национальное собрание за его провокационную политику. Либеральная русская печать («Биржевые ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости») уверяла, что вследствие отсутствия пролетариата в России Коммуна не представляет для России «никакой опасности».

Совершенно иное отношение к Коммуне и её деятелям было у русской революционной интеллигенции. С нескрываемой болью писали о Коммуне Глеб Успенский, Салтыков-Щедрин, Некрасов.

Глеб Успенский посетил Париж в апреле — июле 1872 г. С содроганием описывал он зверства версальцев.

«...Здесь [у Пантеона] на этом самом месте версальцы в прошлом году 21 мая расстреляли 450 коммунистов, вся площадка была залита кровью, — и теперь даже кровь так

въелась в камень, что как ни отчищали её, пегие пятна видны. Я на этой площадке простоял час словно помешанный или в столбняке, ноги мои словно прилипли к тому месту, где умерло столько народа»¹.

Зверская расправа версальских «судов» приводила Успенского в ужас: когда на его глазах в две-три минуты приговорили в сущности не виновного ни в чём человека к пяти годам работ в крепости, Успенский подумал, глядя на прокурора и судей во время перерыва: «Неужели они даже и в перерывах заседания остаются такими же зверьми?»... «И что же? Один из них ругательски ругал коммунаров, а другой предложил на будущее время просто «сбривать им головы с плеч» — и, сколько я мог заметить, сказал это с подлинною ненавистью... Тогда я убедился, что они действительно злы и делают так, а не иначе, именно потому, что злы»².

Щедрин с гневом и омерзением упоминает о дикой вакханалии версальских реакционеров.

«Одичалые консерваторы современной Франции... в одни сутки уничтожают более жизней, нежели сколько уничтожили их с самого начала междоусобия наиболее непреклонные из приверженцев парижской коммуны! Нет спасения от одичалого охранителя... Нет ничего отвратительнее, как зрелище торжествующей анархии консерватизма»³.

Некрасов посвятил трагедии Коммуны следующее стихотворение:

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнузданы страсти жестокие.
Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная.
Всё живое, всё доброе косится...
Слышно только, о ночь безрассветная,
Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются!⁴

¹ Г. И. Успенский, Полное собрание сочинений, т. IV, М. 1949, стр. 664.

² Там же, стр. 340.

³ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Собрание сочинений, т. 3, М. 1951, стр. 505.

⁴ Н. А. Некрасов, Сочинения в трёх томах, т. 2, М. 1953, стр. 279, 506.

Революционер-народник Н. П. Гончаров, бывший студент Технологического института, выпускал в Петербурге по поводу событий Парижской Коммуны революционные листовки под общим названием «Виселица». 26 апреля 1871 г. Гончаров восклицал в одной из них: «Мировая революция уже началась... Поднявшись над развалинами Парижа, она облетит все столицы мира — желанная, святая, побывает и в нашей мужичьей избе»¹.

В дни, когда в Париже шли последние бои, вышел последний номер листовки. «Откликнитесь, честные люди! — взволнованно писал Н. П. Гончаров, подписывавшийся «Коммунист», — откликнитесь на ваших местах погибающему Парижу, чтобы, умирая, он знал, что дело его возобновят и так же смело и героически поведут вперёд... Выступайте на борьбу с окружающими разбойниками... к оружию! К оружию!»²

Круги русской прогрессивной интеллигенции тепло встретили приехавших в Россию участников Коммуны. Вместе с Ковалевскими, которые тоже вернулись в Россию, Жаклары прожили в Палибино около года. Обстановка в палибинском доме изменилась за эти годы: деспотический характер отца Анны Васильевны сильно смягчился под влиянием тяжёлых испытаний; теперь он терпеливо выслушивал радикальные речи своей дочерки-коммунарки и материалистические взгляды своей другой дочери — математика.

В 1875 г. старик Корвин-Круковский умер, Жаклары и Ковалевские переселились в Петербург. Жаклар, не имевший права, как иностранец, заниматься практикой врача в России, стал посещать в Петербурге педагогические курсы, готовясь к тому, чтобы сделаться преподавателем. Вскоре Жаклар стал преподавать французский язык и литературу в женской гимназии. Он даже составил для этого специальную хрестоматию французской литературы. Пытался он выступать со статьями в русской печати. Однако его попытки пресекались цензурой.

Только спустя несколько лет ему удалось поместить ряд статей в либеральных журналах «Слово» и «Дело».

¹ См. «Сборник студенческих работ Средне-Азиатского Государственного Университета имени В. И. Ленина», вып. VI, Ташкент 1954, стр. 22.

² «Литературное наследство» № 1, 1931 г., стр. 22.

Большинство из них было написано с большой живостью и остроумием. Статьи Жаклара в «Слове» были посвящены вопросам политической истории Франции. Жаклар выступал с критикой её либеральной партии, политики бонапартистов и Гамбетты, анализировал сенатские выборы, министерский кризис, рассказывал об амнистии коммунаров в 1880 г., о высылке иезуитов.

В «Деле» Жаклар давал политическую хронику в международном масштабе. В статье «Очная ставка цивилизации и варварства в Средней Азии» он изобличал империалистическую политику Англии в Афганистане (1880 г., № 2), касался восточного вопроса (1880 г., № 8), Турции, тунисской экспедиции, колонизаторской политики империализма в Тонкине и в Китае. В его статьях содержались очень яркие характеристики Гладстона, Дизраэли, Гарибальди и т. д.

Как только во Франции была объявлена амнистия коммунарам, Жаклар поспешил вернуться в Париж. Здесь он снова с головой уходит в политическую жизнь. Всё это время Анна Васильевна большей частью жила в Петербурге, в Париж она уезжала ненадолго. В Петербурге возобновились её дружеские встречи с Достоевским и его женой, сильно полюбившей Анну Васильевну. «Слова Ф. М. Достоевского о её выдающемся уме, добром сердце и высоких нравственных качествах, — вспоминала А. Г. Достоевская, — оказались вполне справедливыми»¹. Там же она писала, что в 1879 г. летом, когда она с Достоевским жила в Старой Руссе, «в Руссу приехала на сезон А. В. Жаклар-Корвин с семьёй, которую мы оба очень любили. Муж почти каждый день, возвращаясь с прогулки, заходил побеседовать с этой умной и доброй женщиной, имевшей значение в его жизни»².

И теперь, как когда-то, Достоевский и Анна Васильевна страстно спорили, на этот раз — о социализме. Достоевский в эти годы своей жизни в романах («Бесы», «Братья Карамазовы») выступал с клеветой на русскую передовую интеллигенцию. В «Речи о Пушкине» он осуждал «гордыню» революционной интеллигенции и призывал её к смирению, религиозности и отречению от борьбы. Талантливо обличая бесправие и произвол, он неизменно

звал в своих произведениях не к борьбе и протесту, а к религии, смирению и страданию.

Теперь, в 1879 г., Достоевский восклицал:

— Все наши революционеры хотят истребить Христа!.. Для них социализм выше христианства!..

— Христианство внушает человеку только идею его приниженности, социализм же повышает его чувство собственного достоинства и побуждает его на борьбу со злом мира, во имя всего человечества... — спокойно замечает Анна Васильевна. — Я всегда понимала это. Вспомните мой рассказ «Михаил»... Христианство действительно устарело и годится только для старых баб. Мир обновится социализмом.

Достоевский уходил вне себя от гнева, торжественно объявляя, что «с нигилисткой спорить бесполезно», но на завтра приходил снова...¹.

В 80-х годах Анна Васильевна жила попеременно в Париже и Петербурге. По сведениям департамента полиции, она помогала работе первой польской рабочей партии «Пролетариат», основанной в 1882 г. Людвиком Варыньским, и поддерживала вместе с Жакларом связь между Парижем и Варшавой². Всё это время она продолжала писать, однако только немногие её рассказы были опубликованы. «Записки спирита»³ были осмеянием спиритизма, как психоза или просто как шарлатанства. Другой типично народнический рассказ, «Фельдшерница»⁴, рассказывал о судьбе сельской фельдшерницы-акушерки, у которой должен был родиться «незаконный» ребёнок. Молодая женщина, окончив курсы, ушла в деревню — служить народу. Этот рассказ свидетельствовал о смелости писательницы, так как был написан тогда, когда после разгрома «Народной воли» в России свирепствовала самая чёрная реакция. Неопубликованная драма Анны Васильевны «Поперёк дороги» ярко рисует отвратительные бытовые и религиозные предрассудки крестьян-кулаков, описывает их темноту и невежество. В отличие от народников-восьмидесятников Анна Васильевна несколько не идеализировала деревенское кулачество.

¹ См. *Ив. Книжник-Ветров*, А. В. Корвин-Круковская, стр. 98.
² См. там же, стр. 100.
³ См. «Северный вестник» № 7, 1886 г., стр. 1—68.
⁴ См. «Северный вестник» № 3, 1887 г., стр. 89—115.

¹ А. Г. Достоевская, Воспоминания, Л. 1925, стр. 95.

² Там же, стр. 242.

В декабре 1884 г. Анна Васильевна заболела тяжёлой болезнью сердца и почек; пострадало и зрение; больная не могла ни читать, ни писать. Сестра Софья Васильевна, вызванная телеграммой зимой 1885 г. из Стокгольма, где она занимала университетскую кафедру, проводила дни и ночи у её постели. Летом 1886 г. она опять приехала к Анне Васильевне, состояние которой не улучшилось. Жаклар решил увезти жену в Париж для лечения, но она была слишком слаба для поездки. Тем временем реакционные власти, встревоженные приездом бывшего коммунара, забили тревогу и поспешили выслать его из России. Не помогли никакие ссылки на тяжёлое состояние жены. Наконец, осенью 1887 г. друзья Анны Васильевны на руках внесли её в вагон поезда, шедшего в Париж. Во второй половине октября 1887 г. Анна Васильевна скончалась.